

В.Г. Дацышен

Цинский Китай как евразийское государство. К проблеме изучения истории Китая в России

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения истории Цинского Китая. В современном российском китаеведении отсутствует признание значимых для «ханьской цивилизации» изменений, произошедших в Китае в эпоху Цин. В подавляющем большинстве научных публикаций утверждается, что Цинская империя была традиционным китайским государством, таким же, как Минская империя. Такая ситуация обусловлена слабым уровнем изученности истории Цинской империи в России и усилением влияния исторических работ китайского происхождения. В последние годы в российском востоковедении был выдвинут противоположный тезис, в работах появились утверждения о том, что Цинская империя была вообще не китайским государством. Но данный подход не только порывает с многовековой традицией восприятия Цинской империи именно как Китая, но и противоречит базовым реалиям Чжунго. Оба этих подхода не соответствуют современному уровню науки, показывающей, что Цинская империя была Китайским государством, но вышедшим на качественно новый уровень развития. В западной синологии Цинская империя нередко рассматривается уже не как ханьское государство, а как вселенская империя. В отечественной историографии давно выдвинут тезис о преобладающем влиянии на Цинский Китай именно внешнего воздействия, а не внутренней традиции. В последние годы некоторые российские китаеведы, по-новому подойдя к проблемам истории Цинской империи, пришли к выводу о Китае, как универсалистской империи. В Юаньской империи проявились основы большой дальневосточной континентальной цивилизации, а в Минский период ханьцентричная модель Китая исчерпала свой потенциал развития. Таким образом, представленные в работах некоторых современных российских китаеведов результаты исследования позволяют говорить о качественных изменениях, произошедших в Китае после создания Цинской империи. В Цинском Китае не только произошло объединение значительной части территорий, населенных народами евразийских (периферийных по отношению к Хань-Чжунго) культур, но активное участие этих евразийских культур в государственном строительстве, проникновение их во все сферы политической жизни, влияние на социально-экономическую организацию и духовную жизнь населения. Эти изменения можно назвать евразизацией Китая.

Ключевые слова: проблемы российского китаеведения, Цинская империя, история Китая, современное китаеведение, евразизация.

Автор: Дацышен Владимир Григорьевич, д.и.н., профессор, старший научный сотрудник. Института востоковедения РАН, Красноярский государственный педагогический университет. E-mail: dazishen@mail.ru

Vladimir G. Datsyshen

Qing China as a Eurasian state: On the Problem of Studying the History of China in Russia

Abstract. The article is devoted to the problem of studying the history of Qing China. In modern Russian Sinology, there is no recognition of the significant changes for the “Han civilization” that took place in China during the Qing era. The vast majority of scholarly publications claim that the Qing Empire was a traditional Chinese state, just like the Ming Empire. This situation is due to the low level of knowledge of the history of the Qing Empire in Russia and the increased influence of historical works of Chinese origin. In recent years, the opposite thesis has been put forward in Russian oriental studies, and statements have appeared in the works that the Qing Empire was not a Chinese state at all. But this approach not only breaks with the centuries-old tradition of perceiving the Qing Empire as China, but also contradicts the basic realities of Zhongguo. Both of these approaches do not correspond to the modern level of science, which shows that the Qing Empire was a Chinese state, but it reached a qualitatively new level of development. In Western Sinology, the Qing Empire is often considered not as a Han state, but as a universal empire. In domestic historiography, the thesis has long been put forward about the predominant influence on Qing China precisely from external influence, and not from internal tradition. In recent years, some Russian sinologists, having taken a new approach to the problems of the history of the Qing Empire, have come to the conclusion that China is a universalist empire. The foundations of a large Far Eastern continental civilization appeared in the Yuan Empire, and the Han-centric model of China exhausted its development potential during the Ming period. Thus, the results of the research presented in the works of some modern Russian sinologists allow us to speak about the qualitative changes that occurred in China after the creation of the Qing Empire. In Qing China, not only did the unification of a significant part of the territories inhabited by the peoples of the Eurasian (peripheral in relation to Han-Zhongguo) cultures, but the active participation of these Eurasian cultures in state building, their penetration into all spheres of political life, influence on the socio-economic organization and spiritual life of the people. These changes can be called the Eurasianization of China.

Keywords: Problems of Russian Sinology, Qing Empire, Chinese history, modern Chinese studies, Eurasianization.

Author: Datsyshen Vladimir G., Doctor of Science (History), Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Krasnoyarsk State Pedagogical University. E-mail: dazishen@mail.ru

Китайская цивилизация имеет почти пятитысячелетнюю историю непрерывного развития. Особый интерес у исследователей вызывает история Китая в эпоху династий Хань и Цин. Период Да Цин го стал завершающим в более чем двухтысячелетней истории имперского Китая, начавшейся с создания империи Цинь и ее окончательного оформления в Ханьскую эпоху. Соответственно, в научной и учебной литературе эти «два полюса» традиционного Китая более всего представлены, они и формируют общее представление об истории Китая. При этом, «стандарты» Ханьского Китая в абстрактно-идеализированной форме зачастую переносятся на Цинский Китай. В российском

обществе сложились устойчивые представления о неизменности развития традиционной китайской цивилизации с древности до XX в.

Можно констатировать, что в российском китаеведении до сих пор отсутствует признание значимых для «ханьской цивилизации» изменений, произошедших в Китае в эпоху Цин. Особенности развития Китая в Цинскую эпоху традиционно низводятся до утверждения, что эта страна почти три века находилась «под гнетом чужеземцев» [Бокщанин, 2002, с. 247]. Феномен Китая второй половины XX в., феномен «социализма с китайской спецификой» актуализируют интерес к истории Китая XVII—XIX вв. Выдающийся российский историк-китаевед Б.Г. Доронин (1928—2021) в интервью, данном в 2019 г. в рамках проекта «Российское китаеведение — устная история», отметил значимость цинской истории для современной китайской элиты: «цинский проект, который получил санкцию государства и политбюро (единственный в области гуманитарных наук!). Этот проект курировал один из членов политбюро ЦК КПК... Вот на свежую голову вопрос: страна занимается модернизацией, куча проблем, а они занимаются цинской историей! Зачем?! Это очень мудрое решение! Они этим проектом очень много проблем решают!» [Борис Григорьевич Доронин...]. Современные российские китаеведы указывают: «Неизбежным представляется сопоставление цинской политики и с современной практикой мультикультурализма, особенно в связи с тем, что современная идеология КНР видит в цинской эпохе исторические предпосылки современной концепции «китайской нации»» [Голиков, 2013, с. 278].

Действительно, история Цинского Китая заслуживает особого внимания. В этот период произошли большие изменения в разных сферах жизни традиционного Китая, вступившего в эпоху «нового времени». В данной же работе нас интересует проблема, которую можно назвать «евразийской» Китая в эпоху Цин.

Понятие «евразийское» применительно к государству объединяет несколько различных, но взаимосвязанных признаков. Идеи евразийства предполагали повышение роли и значения культур, сформированных на периферии древнейших крупных цивилизационных центров Евразии, народов, связывавших Средиземноморскую, Дальневосточную и Индийскую суперцивилизации. Локальные земледельческие и скотоводческие «периферийные» культуры, в силу особенностей внутреннего развития, большей зависимости в своем развитии от крупных цивилизаций и «транзитной» роли в мировой системе по разным признакам и параметрам имели сходство со всеми тремя суперцивилизациями Евразии. Во многом единое пространство взаимосвязанных культур между Европой, Китаем и Индией можно условно назвать евразийской цивилизацией. Признаком евразийского государства является не только объединение в нем значительной части территорий, населенных народами «евразийских» культур, но активное участие «евразийских» культур в государственном строительстве, проникновение их во все сферы политической жизни, влияние на социально-экономическую организацию и духовную жизнь населения.

Целью нашего исследования является выявление в российской историографии вопросов, связанных с особенностями Китайского государства и общества в период правления маньчжурской династии Айсиньгиоро под деви-

зом Цин с центром в Пекине. Традиционно это государство в российской историографии называется Цинским Китаем или Цинской империей.

Говоря о базовых представлениях об истории Цинского Китая в современной России, в первую очередь следует обратиться к работам главного и самого авторитетного специалиста по истории Китая эпохи Цин в постсоветский период доктора исторических наук профессора О.Е. Непомнина (1935—2020). Именно ему принадлежит единственная в российской науке обобщающая академическая монография, специально посвященная истории Цинского Китая [Непомнин, 2005, с. 5], именно О.Е. Непомнин был ответственным редактором и автором большей части текста отдельного тома «Династия Цин (1644—1911)», первой и единственной в российской историографии многотомной «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI в.» [История Китая..., 2014].

О.Е. Непомнин придерживался традиционных для русской культуры взглядов и подходов, и в одной из последних своих работ, опубликованной в 2019 г., он утверждал, что в Китае, в отличие от стран Запада, «механизма поступательного развития и взаимного обогащения не сложилось... в Китае прочно сохранялась формация древности и средневековья... Цинская империя погрузилась в формационный застой» [Непомнин, 2019, с. 63]. Ведущий российский китаевед придерживался той позиции, что на просторах ««большой дальневосточной цивилизации» с центром в Китае» на протяжении нескольких веков несколько десятков этнонациональных общностей сосуществовали без «взаимного обогащения». Особенности развития Китая в Цинскую эпоху традиционно низводятся до утверждения, что эта страна почти три века находилась «под гнетом чужеземцев» [Бокщанин, 2002, с. 247]. В своей обобщающей монографии по истории Цинского Китая О.Е. Непомнин указывает, что эпоха Цин стала «весьма специфической частью четырехтысячелетней истории Китая» [Непомнин, 2019, с. 247], однако эту специфику он ограничил «очередным «варварским» завоеванием», еще одним воцарением «чужеземной династии» [Непомнин, 2005, с. 5]. В последней, изданной уже после смерти автора статье, «Политический строй Цинской империи», собственно Цинская империя ни разу не упоминается, а в работе лишь говорится о сохранении «китайской деспотии» к рубежу позднего европейского Средневековья и Нового времени [Непомнин, 2021].

В своей основе О.Е. Непомнин оставался на позициях советской историографии 1960—1970-х гг., отказавшись лишь от «марксистско-ленинских» шаблонов. А единственная в советской историографии академическая «Новая истории Китая» вышла в свет в 1972 г. Ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН Ю.В. Чудодеев в интервью, данном В.Ц. Головачеву в рамках проекта «Устная история», вспоминал: «Крупнейшим достижением под руководством Сергея Леонидовича Тихвинского я считаю создание «Новой истории Китая» (истории Китая периода правления династии Цин). Писалась она большим количеством людей — чуть ли не 40 человек было собрано... На это ушло примерно 10 лет. В итоге, в 1972 году «Новая история Китая» появилась. На уровне того развития нашей китаеведческой науки это, безусловно, был большой вклад и большое достижение. Сегодня можно по-разному оценивать те или иные выводы, которые были сделаны, тот мас-

сив материала, который был собран под эту работу» [Российское китаеведение..., 2018, т. 1].

Действительно, специфика цинского периода истории Китая в указанной работе в основном была ограничена следующей характеристикой: «Сложившийся в борьбе против китайского народа союз маньчжурских завоевателей с китайскими феодалами был классовой основой последующего маньчжурского владычества в Китае» [Новая..., 1972, с. 5]. В «Новой истории Китая» имелись «намёки» на специфику государства, но без разъяснений: «Считалось, что богдыхан является Сыном неба»; «Сложный феодально-бюрократический аппарат Цинской империи строился в основном по образцу государственных учреждений и ведомств, существовавших при династии Мин» [Новая, 1972, с. 31]. В целом, в данной работе история Цинского Китая до середины XIX в. представлена кратко, обзорно, введена в «марксистско-ленинские стандарты», а авторов интересовала, за исключением завоеваний, лишь «территория собственно Китая» [Новая, 1972, с. 32].

В работах О.Е. Непомнина, оставшегося на позициях маньчжурского завоевания как главного и практически единственного отличия Цинской империи от Минской, была выдвинута и оригинальная идея, он полагал, что история Цинского периода заканчивается в 70-х годах XIX в., после чего начинается, по его выражению, 80-летний «Тайпинский период» (1870—1949 гг.) истории Китая. В мировой науке отсутствует признание отдельного 80-летнего «Тайпинского периода» в истории Китая, и мы полагаем, что именно евразизация Китая, состоявшаяся в Цинский период, предотвратила появление «Тайпинского периода» в истории Китая.

Согласиться с утверждением о том, что Цинский период истории Китая отличался от всех предшествующих лишь наличием «чужеземной династии» в современной российской науке готовы не все, особенно те ученые, которые изучают не ханьские регионы Цинской империи. Как правило, в обобщающих работах по истории Азии создаётся своеобразная противоречивая картина истории. Составители академической многотомной «Истории Востока» дают главу «Китай в XVIII в.» после глав «Монголы в XVI—XVIII вв.» и «Тибет в XVI—XVIII вв.». Авторы-составители, среди которых указан О.Е. Непомнин, делают вывод, что Цинская империя после включения в свой состав Тибета стала «маньчжуро-китайской и одновременно маньчжуро-монгольской империей» [История, 2000, с. 581].

В последние годы несогласие с господствующей в историографии концепцией «неизменности Китая» приняло радикальные формы. Например, известный монголовед доктор исторических наук Л.С. Кузьмин выдвинул идею о том, что с приходом в Пекине к власти маньчжур Китай как государство перестал существовать. Эту идею поддержали и некоторые известные китаеведы. В совместной работе китаеведа С.В. Дмитриева и монголоведа С.Л. Кузьмина говорится: «Формирование, структура, социокультурные концепты, методы правления и национальная политика отличают империю Цин от Китая как государства, каковым являлась до нее империя Мин, а затем стали Китайская республика и КНР. Империя Цин не была Китаем» [Дмитриев, 2014, с. 15]. Трудно не согласиться с тем, что империя Цин отличалась от империи

Мин, но еще более трудно согласиться с тем, что Китайская Народная Республика является преемником Мин, не имея отношения к Цин. Более того, сами авторы по тексту опровергают свои выводы. Они пишут: «Но одна из важных черт империи, мультиэтничность, с самого начала получила аналогию в виде “республики пяти рас”. С тех пор идея “единого многонационального Китая”, последовательно управлявшегося разными династиями, используется как обоснование исторической преемственности Китайской республики и КНР от империи Цин» [Там же, с. 13].

В работе С.В. Дмитриева и С.Л. Кузьмина справедливо констатируется: «Итак, способы легитимации своей власти в отношении разных народов в империи Цин были различными» [Там же, с. 10]. Но трудно согласиться с утверждением, что «Это противоречило китайской мироустроительной модели, предполагавшей приобщение “варваров” к китайской культуре» [Там же]. Почему-то в качестве доказательства того, что цинская элита не была китайской, они приводят такой пример: «Следуя конфуцианству, они тем не менее имели официальных шаманов, но при этом были искренними буддистами» [Там же].

Без сомнения, авторы концепции «Империя Цин не была Китаем» по какой-то причине отказывают китайской культуре в гибкости, способности развиваться, успешно реагировать на сложные вызовы. Но мы можем предположить, что именно благодаря этому Китай с четырехтысячелетней историей сохранился до наших дней.

Говоря о непризнании современными востоковедами Цинской империи Китаем, следует отметить, что в России с первых дней установления прямых связей с Цинской империей это государство называли Китаем, или, например, Срединной империей, как в Буринском трактате 1727 г. И в российской науке, начиная со времени ее становления в XVIII в., всегда Цинская империя признавалась Китаем. Например, одна из первых опубликованных работ русских китаеведов по истории Цинской империи называлась «Уведомление о бывшей с 1677 до 1689 года войне китайцев с зенгорцами» [Леонтьев, 1777]. Типичным для китаеведения XVIII—XIX вв. было указание «на общее и особенное» в Цинском Китае: «Китай одно из древнейших и многолюднейших государств на земном шаре... Манджуры... дали сей империи название Дай-Цин... Но имя Дай-Цин не будет вечно; оно пропадет, как скоро новая фамилия на престол вступит» [Бантыш-Каменский, 1882, с. 1]. Российские ученые, относя Цинскую империю к Китаю, не утверждали, что это ханьское государство: «Государство сие составляют три главных народа: Китайцы. Манджуры и Мунгалы» [Бантыш-Каменский, 1882, с. 2]. Глава последней в XVIII в. Духовной миссии в Пекине архимандрит Софроний в своей научной работе называл Цинскую империю «Китаем, ныне Манджуро-Китайским государством» [Грибовский, 1861]. Во всех сферах российского государства и общества не только Цинскую империю называли Китаем, но и Цинский Двор — Китайским, в трудах XVIII в. говорилось: «Как Сибирские пределы смежны с Китайскими, следовательно, Российский Двор более долженствует иметь сообщения с Китайским» [Чулков, 1785, с. 3].

Появление в стенах Института востоковедения РАН двух крайне противоположных взглядов на природу Цинского Китая при отсутствии какой-либо

публичной научной дискуссии, даже в ситуации масштабного академического проекта многотомной обобщающей истории Китая, произошло во многом потому, что исследователи избегали проблем трансформации Китая в эпоху Цин. Известные российские китаеведы не ставили проблему, хотя она явно проявлялась в их работах. В качестве примера можно привести китаеведа-энтузиаста А.Н. Хохлова (1929—2015) [Российское китаеведение, 2018, т. 3, с. 404]. В одной из лучших работ по истории Цинского Китая «Деревня и крестьянство в социально-политической системе Китая» Н.И. Тяпкиной [Тяпкина, 1984] проблема уникальности и особенности Цинской эпохи не затрагивается, правда, и о преемственности от предыдущей династии в работе ничего не говорится.

Выдающийся синолог М.В. Крюков еще в советское время отметил, что «конфуцианским образованным верхам китайского общества» импонировал универсализм создателей династии Юань, но «монгольские властители Китая, однако не спешили перенимать его испытанную тысячелетиями политическую мудрость» [Крюков, 1987, с. 19]. Казалось бы, интересно, как решалась данная проблема в Цинском Китае, но применительно к династии Цин ведущие китаисты во главе М.В. Крюковым ограничиваются тезисом о «терпимости к китайской цивилизации» [Крюков, 1987, с. 28]. Ведущий московский историк-китаевед А.А. Бокщанин (1935—2014) так определял династию Цин: «Этнически она была маньчжурская, а по своему устройству — китайская» [Российское китаеведение, 2018, т. 1, с. 35]. Академик В.С. Мясников называет Цинский Китай «маньчжурская империя Цин» [Мясников, 1987, с. 5], однако он указывает: «Цинская империя вступала в связи лишь на основе китаецентристской модели» [Там же, с. 8]. В.С. Мясников приводит примеры политического симбиоза: «цинская дипломатия являлась по существу маньчжуро-китайской дипломатией: маньчжурской по целям и задачам, китайской в основном по формам, методам, средствам» [Мясников, 1987, с. 17], он придерживается такого подхода, что Цинская империя — это маньчжурское государство, выросшее за счет Китая и трансформировавшееся под влиянием Китая. Однако в интервью, данном В.Ц. Головачеву в рамках проекта «Устная история», В.С. Мясников назвал Цинскую империю «Китаем в период правления династии Цин» [Российское китаеведение, 2018, т. 1, с. 340].

Два крайне противоположных взгляда на природу Цинского Китая, представленные научными сотрудниками Института востоковедения РАН, по сути, являются рамками, внутри которых российское китаеведение ищет приемлемые и насколько возможно объективные оценки и характеристики Цинского Китая. При этом отечественные исследователи обращаются к первоисточникам и опыту китайских историков.

Российские ученые отмечали, что в эпоху Цин китайская элита при изучении своего государства отдавала приоритеты изучению «евразийской составляющей» своей страны. Ведущий специалист по китайской историографии Б.Г. Доронин отмечал: «под кистью придворных историографов события, развернувшиеся на окраине империи, в «варварской» периферии, заняли центральное место в китайской истории этого периода» [Доронин, 2002, с. 198]. Однако, с распространением европейской науки в Китае приоритеты

изменились, в китайской историографии утвердилась ханьцентричная модель истории Китая, в том числе и в цинский период.

С начала XX в. китайские ученые стали оказывать все большее влияние на российскую синологию. Сегодня нельзя утверждать, что китайское Китаеведение (госюэ) является исключительно ханьцентричным, но русско-китайское взаимодействие в области Китаеведения шло исключительно по линии ханьсюэ. Не случайно ведущий российский синолог А.В. Виноградов пишет: «Все развитие китайской цивилизации, на что справедливо указывали китайские мыслители начала XX века, протекало в замкнутой этно-культурной среде, где отсутствовали свойственные Европе миграции народов, борьба государств-наций и религий...» [Виноградов, 2008, т. 1, с. 102].

В последние годы, в силу ряда причин и факторов, на общественное мнение и научное Китаеведческое сообщество России все большее влияние оказывает именно Китай, а не Запад, все больше переводится и издается китайской научной и научно-популярной литературы. Показательной является недавно вышедшая в Пекинском университете, а затем почти сразу изданная в Москве четырехтомная «История китайской цивилизации» [История китайской..., 2020]. Уже сами хронологические рамки выделенного китайскими историками в качестве целостного периода истории Китая — 1525—1911 гг., указывают на отказ признавать Цинский период истории Китая как особый и отличный от ханьцентричного Минского периода. Первый параграф в предисловии к четвертому тому называется «Новые модели и элементы развития традиционной цивилизации». Но в нем вся новизна ограничивается утверждением, что «Цинские власти немало сделали для дальнейшего укрепления связей между различными этносами в стране» [История китайской, 2020, с. 9], для чего был «подавлен мятеж трех князей», «отвоеван обратно Тайвань», «дан отпор царской России», «усмирены джунгары»... и т. д. Правда, далее китайские авторы пишут: «Цинская династия добилась значительных успехов в построении полиэтничного государства. Ее культурное богатство вобрало в себя не только достижения ханьского этноса, но также и культур соседних малых народов, которые, входя в большую единую семью и являясь неотъемлемой ее частью, развивались и вносили свой вклад в общую культуру Поднебесной» [История китайской, 2020, с. 257]. Тем не менее, речи о каких-либо особенностях политической организации Цинского Китая или изменениях в китайской культуре здесь не идет.

В последние годы большинство современных российских востоковедов указывают на недостаточную изученность и слабое внимание отечественного Китаеведения к проблемам истории Цинской империи. Об этом в своих выступлениях на конференциях и семинарах в последние годы говорили Н.А. Самойлов, А.И. Кобзев, А.А. Маслов, М.Ю. Ульянов, А.В. Лукин, А.Г. Ларин, Д.В. Дубровская, А.Д. Воскресенский, С.Г. Лузянин, В.Ц. Головачев и многие другие. Все отечественное востоковедение испытывает потребность в новом обращении к проблемам цинской истории. Сибирские востоковеды пишут: «Многие аспекты научных трудов по российской синологии в период господства марксистской теоретической мысли в советский период истории не получали своего адекватного отражения, соответствующего научным раз-

работкам мирового китаеведения. Современной науке необходимо в полной мере дать анализ основных сфер, касающихся внешнеполитического и внутреннего устройства империи Цин, чтобы иметь полное представление о своем ближайшем стратегическом союзнике» [Дугаров, 2013, с. 189]. Здесь авторы не указывают, как «господство марксистской теоретической мысли» препятствовало изучению «внешнеполитического и внутреннего устройства империи Цин». Мы можем высказать некоторые предположения, опираясь, например, на материалы состоявшейся в 1982 г. второй Всесоюзной конференции китаеведов. Отчитывались тогда китаеведы о своей работе по изучению средневековой истории Китая, новой истории Китая или отдельных важных проблем, а из их отчета получалось, что Цин не попадала в средневековье, а проблемы новой истории — это уже XIX в.

В отличие от большинства российских китаеведов западные синологи озвучили новые взгляды в отношении Цинского Китая, более того, их подходы даже представлены в академических изданиях на русском языке. Например, известный бельгийский синолог из университета Гент Дессейн Барт Цинскую империю выделяет в особый период истории Китая, называя ее «вселенской империей». Он пишет: «Отношения между конфуцианской элитой и членами различных не-ханьских субкультур на их территории кардинально изменились с приходом к власти в Китае маньчжуров и основанием цинской династии в Пекине в 1644 г. Для маньчжуров было невозможно утверждать свою легитимность через происхождение от династии Хань, поэтому они основали свой авторитет на «добродетели» (дэ), определяемой в терминах политической стабильности и подтверждаемой управлением страной как «вселенской империей»» [Дессейн, 2012, с. 283].

Дальше всего отошли от идеи простой преемственности Цинской империи от Минской ведущие специалисты по истории Китая данного периода Б.Г. Доронин и В.Л. Ларин. В работах одного из лидеров Санкт-Петербургского китаеведения Б.Г. Доронина встречаются такие утверждения: «формирующаяся в этот период маньчжурская государственность по своей природе коренным образом отличалась от «конфуцианской» монархии» [Доронин, 2002, с. 24]. Однако в его работах присутствовали и утверждения о том, что Цинская империя была создана путем реставрации «всей системы отношений, свойственных «конфуцианской» монархии» [Доронин, 2002, с. 23]. Г.В. Мелихов в интервью, данном В.Ц. Головачеву в рамках проекта «Устная история» назвал Цинскую империю «маньчжуро-китайской, цинской цивилизацией» [Российское китаеведение, 2018, т. 1, с. 317]. Глава владивостокской школы историков-китаеведов В.Л. Ларин уже давно высказал утверждение о решающем значении внешнего влияния на развитие Китая в Цинскую эпоху, он писал: «За эти века Китай подошел — более под внешним воздействием, чем следуя логике внутреннего развития» [Ларин, 1994, с. 248].

Таким образом, в отечественной историографии давно выдвинут тезис о преобладающем влиянии на Китай в XVII—XIX вв. именно внешнего воздействия, а не внутренней традиции. В последние годы историки-китаеведы, представляющие региональные школы на востоке России, поднимают новые проблемы истории Цинской империи. Представитель алтайской школы ки-

таеведения К.В. Хахалин поднял проблему необходимости изучения механизма сочетания «двух... с формально-логической точки зрения взаимоисключающих направлений деятельности» Цинской империи в сфере внешней политики и выдвинул тезис о том, что «экспансия Цинской империи на северо-западе Центральной Азии оказалась средством достижения стратегической цели маньчжурских правителей Китая — обеспечить его самоизоляцию в качестве основной внешнеполитической гарантии сохранения их господства в стране» [Хахалин, 1999, с. 38]. Новые и интересные идеи представлены в работах одного из самых активных и успешных современных российских китаистов П.А. Лапина, который работает в Пекине и постоянно обращается к первоисточникам по истории Цинского Китая. Говоря об императоре, он указывал: «без учёта родного маньчжурского языка император Цяньлун в разной степени мог изъясняться, читать или писать на пяти языках и диалектах народов, населявших северные и северо-западные рубежи Цинской империи» [Лапин, 2021, с. 59—60]. П.А. Лапин утверждает, что: «По мнению китайских придворных идеологов, народности, признавшие политическую зависимость от правящего дома, причислялись к категории «просвещённых», становились «одной семьёй» с правящим домом» [Там же, с. 64], т. е. все народы, вошедшие в состав Цинской империи, исключались из категории «варваров».

Наиболее остро ставят проблемы личности истории Китая в Цинский период представители владивостокской школы китаеведения. Как отмечалось выше, уже в начале 1990-х годов В.Л. Ларин указал на преобладающее влияние внешнего воздействия на Китай на протяжении всей истории Цинской империи. А.П. Голиков уже называет Цинский Китай «универсалистской империей» [Голиков, 2012, с. 57], вводит понятие «маньчжуро-ханьская диархия», исследует «процессы включения регионов в цинский *imperium* [Там же, с. 52]. В другой своей работе А.П. Голиков, опираясь на широкую источниковую базу, утверждает: «правители не только осознавали отличия культур, но и пытались адаптировать к ним идею универсальной власти» [Голиков, 2013, с. 281].

Известный синолог А.В. Виноградов предложил интересный подход к рассмотрению истории Китая последних двух столетий. Он рассмотрел реакцию Китая с 1840 г. на череду «вызовов» («вызов Запада», «вызов марксизма», «вызов СССР», «вызов традиции») [Виноградов, 2008, с. 101—161]. Мы полагаем, что здесь можно было бы выделить «вызов Евразии», реакцией на который стала модернизация в XVII—XVIII вв., которую можно назвать евразийской.

Мы также полагаем, что о попытке формирования евразийской модели большой Дальневосточной цивилизации с центром в Китае можно говорить применительно к эпохе Юань. Однако ханьцентричная модель развития показала на тот момент жизнеспособность, она не подверглась достаточной для нового синтеза эрозии, не впитала в себя евразийскость. В Минский период ханьцентричная модель Китая постепенно исчерпала свой потенциал развития. И в Цинский период начался процесс создания «государства пяти национальностей», происходивший в условиях противостояния различных внутриханьских этнокультурных групп. Это был период «великих трэков», таких как различные переселения западных монголов и чахар-монголов, переселение сибо из Маньчжурии в Синьцзян, отдельных ханьских сообществ с юга Китая

в Маньчжурию, и проч. Важным фактором евразии Китая было утверждение маньчжурского и монгольского языков как государственных языков Цинской империи. При этом маньчжурский, монгольский и китайский языки на протяжении этого периода тесно взаимодействовали. Тогда же шло тесное взаимодействие тибетского и китайского буддизма, китайский император признал Далай-ламу в качестве своего наставника. Традиционная ханьцентричная легитимация власти в Цинской империи была не единственной, и, вероятно, не главной. В Цинской империи не только народы Евразии принимали ханьскую (танскую, минскую) модель политической организации, но и различные слои ханьского общества трансформировались, вписываясь в евразийскую, или, как минимум, маньчжурскую модель не только административно-политической, но и социально-экономической организации.

Потенциал современного российского китаеведения позволяет вывести на качественно новый уровень степень изученности Цинского Китая. И здесь большим подспорьем могут быть региональные центры российского китаеведения. В евразийских регионах России можно глубже проникнуть в проблемы евразийской составляющей Китая в различные периоды его истории.

Библиографический список

[Бантыш-Каменский] Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792-й год. Составленное по документам, хранящимся в Московском Архиве Государственной Коллегии Иностранных дел в 1792—1803 году Николаем Бантыш-Каменским. Казань: Типография Императорского Университета, 1882. 565 с.

[Грибовский] Известие о Китайском, ныне Манджуро-Китайском государстве, сочиненное Архимандритом Софронием, начальником Русской Миссии в Китае в начале нынешнего столетия. М.: Университетская типография, 1861. 97 с.

Бокшанин А.А., Непомнин О.Е. Лики Среднего царства: Занимательные и познавательные сюжеты средневековой истории Китая. М.: Вост. лит., 2002. 430 с.

Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. 2-е изд. М.: НОФМО, 2008. 363 с.

Голиков А.П. Административные реформы на окраинах Цинской империи 1860—1880 гг. и система восьми знамён (к проблеме преемственности в истории Китая) // Известия Восточного института. 2012. № 2 (20). С. 50—59.

Голиков А.П. Власть и язык в политике Цинской империи // Общество и государство в Китае: Т. XLIII, ч. 1 / Редколл.: А.И. Кобзев и др. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 278—287.

Дессейн Барт. «Создавать государство в опоре на партию» (И дан цзянь го): политика Китайской Республики и ее значение для современного Китая // Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации: К 100-летию Синхайской революции: Доклады XIX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы (Москва, 19—21 октября 2011 г.)». М.: ИДВ РАН, 2012. С. 280—296.

Дмитриев С.В., Кузьмин С.Л. Империя Цин как Китай: анатомия исторического мифа // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2014. № 1. С. 5—17.

Доронин Б.Г. Борис Григорьевич Доронин. Проект «Российское китаеведение — устная история». URL: https://china-oral.ivran.ru/f/Interviu_s_Doroninym_Borisom_Grigoreviche_m.pdf (дата обращения: 03.11.2022).

Доронин Б.Г. Историография императорского Китая XVII—XVIII вв. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2002. 288 с.

Дугаров В.Д., Гудеева Н.М. Монголия в составе империи цинов в отечественной монголике в первой половине XIX в. (трансформация методологии исследований) // Вестник ВСГУТУ. 2013. № 6 (45). С. 189—194.

История Востока Т. III. Восток на рубеже средневековья и нового времени. XVI—XVIII вв. М.: Восточная литература, 2000. 696 с.

История китайской цивилизации: в 4 т. / гл. редколл. Юань Синпэй и др.; пер. с кит. под ред. И.Ф. Поповой. Т. 4.: Конец правления династии Мин и династия Цин (1525—1911). М.: Шанс, 2020. 695 с.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. / гл. ред. акад. РАН С.Л. Тихвинский. Т. VI. Династия Цин: 1644—1911. Отв. редактор — д.и.н. О.Е. Непомнин (Институт востоковедения РАН, г. Москва). М.: Наука; Вост. лит., 2014. 886 с.

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1987. 309 с.

Лапин П.А. Изучение цинскими правителями языков народов империи и языков зарубежных государств (XVIII—XIX вв.) // Россия и АТР. 2021. № 3 (113). С. 55—69.

Ларин В.Л. Юго-Западный Китай во второй половине XVII — 70-х годах XIX в. // Проблемы региональной истории. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1994. 335 с.

Мясников В.С. Империя Цин и русское государство в XVII в. 2-е изд. // Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1987. 512 с.

Непомнин О.Е. История Китая: Эпоха Цин. XVII — начало XX века. М.: Вост. лит., 2005. 712 с.

Непомнин О.Е. Китай в контексте мировой истории // Восточный курьер. 2019. № 1—2. С. 62—76.

Непомнин О.Е. Политический строй Цинской империи // Восточный курьер. 2021. № 1—2. С. 46—60.

Новая история Китая / Отв. ред. и авт. предисл. чл.-кор. АН СССР С. Л. Тихвинский. М.: Наука. Главная редакция Восточной литературы, 1972. 37 с.

Российское китаеведение — устная история: Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX—XXI вв.: в 3-х томах / отв. ред. В.Ц. Головачёв. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. М.: Институт востоковедения РАН, МАКС Пресс, 2018. 496 с.

Российское китаеведение — устная история: Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX—XXI вв.: в 3-х томах / отв. ред. В.Ц. Головачёв. Т. 3. М.: Институт востоковедения РАН, МАКС Пресс, 2018. 480 с.

Тяпкина Н.И. Деревня и крестьянство в социально-политической системе Китая. М.: «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1984. 223 с.

Хахалин К.В. Китай в аспекте стадийных особенностей существования Цинской империи // Известия Алтайского государственного университета. 1999. № 4 (14). С. 36—41.

References

[Bantysh-Kamenskiy]. (1882). *Diplomaticheskoye sobraniye del mezhdru Rossiyskim i Kitayskim gosudarstvami s 1619 po 1792-y god. Sostavlennoye po dokumentam, khranyashchimsya v Moskovskom Arkhive Gosudarstvennoy Kollegii Inostrannykh del v 1792—1803 godu Nikolayem Bantysh-Kamenskim* [Diplomatic collection of the affairs between the Russian and Chinese states from 1619 to 1792. Compiled according to documents stored in the Moscow Archive of the State

Collegium of Foreign Affairs in 1792—1803 by Nikolai Bantysh-Kamensky]. Kazan': Tipografiya Imperatorskogo Universiteta. (In Russian).

Bokshchanin, A.A., Nepomnin O.E. (2002). *Liki Sredinnogo tsarstva: Zanimatel'nyye i poznavatel'nyye syuzhety srednevekovoy istorii Kitaya* [Faces of the Middle Kingdom: Entertaining and Informative Stories of the Medieval History of China]. M.: Vost. lit. (In Russian).

Desseyne, Bart. (2012). «Sozdavat' gosudarstvo v opore na partiyu» (I dan tszyan' go): politika Kitayskoy Respubliki i eye znachenie dlya sovremennogo Kitaya // *Vekovoy put' Kitaya k progressu i modernizatsii: K 100-letiyu Sinkhayskoy revolyutsii: Doklady XIX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Kitay, kitayskaya tsivilizatsiya i mir. Istoriya, sovremennost', perspektivy* (Moskva, 19—21 oktyabrya 2011g.) ['Creating a State Based on the Party' (yi dan jian guo): the Policy of the Republic of China and its Significance for Modern China // China's Century-long Path to Progress and Modernization: On the 100th Anniversary of the Xinghai Revolution: Reports of the XIX International Scientific Conference "China, Chinese Civilization and the World. History, modernity, prospects (Moscow, October 19—21, 2011)]. M.: IDV RAN, S. 280—296. (In Russian).

Dmitriyev, S.V., Kuz'min S.L. *Imperiya Tsin kak Kitay: anatomiya istoricheskogo mifa* [The Qing Empire as China: Anatomy of a Historical Myth] // *Vostok. Afro-Aziatskiye obshchestva: istoriya i sovremennost'*. 2014. № 1, S. 5—17. (In Russian).

Doronin, B.G. (2002). *Istoriografiya imperatorskogo Kitaya XVII-XVIII vv.* [Historiography of Imperial China in the 17th-18th centuries]. SPb.: Filol fak-t SPbGU. (In Russian).

Doronin, B.G. Boris Grigor'yevich Doronin, *Proyekt «Rossiyskoye kitayevedeniye — ustnaya istoriya»* [Boris Grigorievich Doronin. 'Russian Sinology — Oral History' Project]. URL: https://china-oral.ivran.ru/f/Interviu_s_Doroninym_Borisom_Grigorevichem.pdf (accessed: 03.11.2022). (In Russian).

Dugarov, V.D., Gudeyeva N.M. *Mongoliya v sostave imperii tsinov v otechestvennoy mongolistike v pervoy polovine XIX v. (transformatsiya metodologii issledovaniy)* [Mongolia as part of the Qing Empire in Russian Mongolian studies in the first half of the 19th century (transformation of research methodology)]. *Vestnik VSGUTU*. 2013. № 6 (45), S.189—194. (In Russian).

Golikov, A.P. (2013). *Vlast' i yazyk v politike Tsinskoy imperii // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitaye: T. XLIII, ch. 1 / Redkoll.: A.I. Kobzev i dr.* [Power and Language in the Politics of the Qing Empire // Society and the State in China: Vol. 43, Part 1 / Editorial Board: A.I. Kobzev and others]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN, S. 278—287. (In Russian).

Golikov, A.P. *Administrativnyye reformy na okrainakh Tsinskoy imperii 1860—1880 gg. i sistema vos'mi znamen (k probleme preymstvovaniya v istorii Kitaya)* [Administrative reforms on the outskirts of the Qing Empire 1860—1880 and the System of Eight Banners (to the problem of continuity in the history of China)]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 2012. № 2 (20), S. 50—59. (In Russian).

[Gribovskiy] (1861). *Izvestiye o Kitayskom, nyne Mandzhuro-Kitayskom gosudarstve, sochinennoye Arkhimandritom Sofroniyem, nachal'nikom Russkoy Missii v Kitaye v nachale nyneshnego stoletiya* [News about the Chinese, now Manjuro-Chinese state, composed by Archimandrite Sophronius, head of the Russian Mission in China at the beginning of this century]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. (In Russian).

Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka: V 10 t. (2014). / gl. red. akad. RAN S.L. Tikhvinskiy. T. VI. *Dinastiya Tsin: 1644—1911*. Otv. redaktor — O.E. Nepomnin (Institut vostokovedeniya RAN, g. Moskva) [History of China since the most ancient times till the beg. of 21st cent.: In 10 vol./ ch. ed. acad. of the RAS S.L. Tikhvinsky. Vol. VI. Qing Dynasty: 1644—1911]. Editor — O.E. Nepomnin (Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)]. Moscow: Nauka. Vost. lit. (In Russian).

Istoriya kitayskoy tsivilizatsii: v 4 t. (2020). / gl. redkoll. Yuan' Sinpey i dr.; per. s kit. pod red. I.F. Popovoy. T. 4.: *Konets pravleniya dinastii Min i dinastiya Tsin (1525—1911)* [History of Chinese civilization: in 4 vol. Yuan Xingpei et al.; trans. from Ch. ed. I.F. Popova. Vol. 4: The End of the Ming Dynasty and the Qing Dynasty (1525—1911)]. Moscow: OOO Mezhdunarodnaya izdatel'skaya kompaniya «Shans». (In Russian).

Istoriya Vostoka T. III. (2000). Vostok na rubezhe srednevekov'ya i novogo vremeni. XVI—XVIII vv. [History of the East Vol. III. East at the Turn of the Middle Ages and Modern Times. 16th–18th centuries]. Moscow: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN. (In Russian).

Khakhalin, K.V. Kitay v aspekte stadial'nykh osobennostey sushchestvovaniya Tsinskoy imperii [China in the aspect of stage features of the existence of the Qing Empire]. Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. 1999. № 4 (14), S. 36–41. (In Russian).

Kryukov, M.V., Maliavin V.V., Sofronov M.V. (1987). Etnicheskaya istoriya kitaytsev na rubezhe srednevekov'ya i novogo vremeni [Ethnic history of the Chinese at the turn of the Middle Ages and modern times]. Moscow: Nauka. Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literature». (In Russian).

Lapin, P.A. Izucheniye tsinskimi pravatelyami yazykov narodov imperii i yazykov zarubezhnykh gosudarstv (XVIII—XIX vv.) [The study by the Qing rulers of the languages of the peoples of the empire and the languages of foreign states (18th–19th centuries)]. Rossiya i ATR. 2021. № 3 (113), S. 55–69. (In Russian).

Larin, V.L. (1994). Yugo-Zapadnyy Kitay vo vtoroy polovine XVII — 70-kh godakh XIX v. [Southwestern China in the second half of the 17th — 70s of the 19th centuries]. Problemy regional'noy istorii. Moscow: Nauka. Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura». (In Russian).

Myasnikov, V.S. (1987). Imperiya Tsin i russkoye gosudarstvo v XVII 2 izd., dop. Khabarovsk: Kn. izd-vo. (In Russian). [The Qing Empire and the Russian state in the 17th century: 2nd ed. add.]/ Khabarovskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1987. 512 s.

Nepomnin, O.E. (2005). Istoriya Kitaya: Epokha Tsin. XVII — nachalo XX veka [History of China: The Qing Dynasty. 17th — beginning of the 20th century]. Moscow: Vost. lit. (In Russian).

Nepomnin, O.E. (2019). Kitay v kontekste mirovoy istorii [China in the context of world history]. Vostochnyy kur'yer. № 1–2, S. 62–76. (In Russian).

Nepomnin, O.E. (2021). Politicheskiy stroy Tsinskoy imperii [The political system of the Qing Empire] // Vostochnyy kur'yer. № 1–2. S. 46–60. (In Russian).

Novaya istoriya Kitaya (1972). Otv. red. i avt. predisl. chl.-kor. AN SSSR S. L. Tikhvinskiy [New History of China / Managing editor and the author of the foreword corr. memb. of Academy of Sciences of the Soviet Union S. L. Tikhvinsky]. Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya Vostochnoy literatury. (In Russian).

Rossiyskoye kitayevedeniye — ustnaya istoriya: Sbornik interv'yu s vedushchimi rossiyskimi kitayevedami XX—XXI vv.: v 3-kh tomakh (2018). / otv. red. V.Ts. Golovachev. 2-e izd., ispr. i dop. T. 1. [Russian sinology — oral history: Collection of interviews with leading Russian sinologists of the 20th–21st centuries: in 3 volumes/ rev. ed. V. Ts. Golovachev. 2nd ed., ed. and enl., Vol. 1]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, MAKS Press. 496 s. (In Russian).

Rossiyskoye kitayevedeniye — ustnaya istoriya: Sbornik interv'yu s vedushchimi rossiyskimi kitayevedami XX—XXI vv.: v 3-kh tomakh (2018). / otv. red. V.Ts. Golovachev. T. 3 [Russian sinology — oral history: Collection of interviews with leading Russian sinologists of the 20th–21st centuries: in 3 volumes/ rev. ed. V. Ts. Golovachev. Vol. 3]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, MAKS Press. 480 s. (In Russian).

Tyapkina, N.I. (1984). Derevnaya i krest'yanstvo v sotsial'no-politicheskoy sisteme Kitaya [The Village and the Peasantry in the Socio-Political System of China]. Moscow: «Nauka». Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. (In Russian).

Vinogradov, A.V. (2008). Kitayskaya model' modernizatsii. Poiski novoy identichnosti. Izd. 2 [Chinese Model of Modernization. The Search for a New Identity. 2nd ed.]. Moscow: NOFMO. (In Russian).